

Мой отец — Александр Петрович

В. А. Кузякин

В этом сборнике собраны воспоминания некоторых учеников Александра Петровича. Естественно, что они могли освещать в основном его профессиональные качества. А я — его сын, жил с ним вместе почти всю свою жизнь. Поэтому могу рассказать, каким Александр Петрович был в семье.

По рассказам отца, они познакомились с моей мамой в общежитии на Стромынке. Это было общежитие МГУ. Она училась на историческом факультете, он — на биологическом. Но общежитие было общим для любых факультетов. Там по вечерам устраивались танцы. Отец был прекрасным танцором. Вальс, падеграс, танго — всё это в его исполнении было замечательным. Этим он и увлёк Валентину Ивановну.

Как говорила мама, тем не менее, «когда мимо аудитории проходила какая-либо дама неописуемо дородной комплекции, он тут же обращал на неё внимание и даже бросался вдогонку». Впоследствии я неоднократно убеждался в его душевной приверженности к полным, жирным и даже совершенно бесформенным женщинам. Он мне сам говорил: «Чего ты всё худышек выбираешь, костями, что ли, об кости стучаться?». Или: «Хорошего человека должно быть много. Тем не менее, отец остановился на Валентине, женщине среднего телосложения, и это был единственный в его жизни брак.

Они поженились. Когда началась война, формировалось народное ополчение по защите Москвы, отца назначили каким-то бригадиром, и он командовал бригадой, состоявшей в основном из женщин, преимущественно студенток МГУ. Они копали противотанковые рвы с запада от Москвы. За это его наградили медалью «За оборону Москвы». Когда ему предложили составить список людей из его бригады, заслуживающих эту награду, он Валентину не включил: «Подумают, что я развожу здесь семейственность».

После успешной обороны Москвы возникла проблема с нашествием на Москву серых крыс. Отца назначили начальником дератизационной службы в звании майора медицинской службы. Он рассказывал, например, как по ночам из интендантских складов, что располагаются напротив теперешней станции метро «Парк культуры», тогда её еще не было, а на этом месте была водопроводная колонка; так к ней со складов тянулась цепочка крыс на водопой и такая же цепочка с водопоя. С офицерскими пайками семья жила неплохо. Сначала она жила в подвалах, принадлежащих МГУ, в переулках у Сретенки, потом отцу удалось поселиться в старой кирпичной бане в Переславском переулке недалеко от Рижского вокзала. В 1942 году родилась дочь — Татьяна, а в 1944 — ваш покорный слуга. Помещение бани, немного обихоженное, представляло собой маленькую прихожую-раздевалку, из которой шла дверь в туалет, а другая дверь — в бывшую помывочную, где мы и жили. Мы с сестрой спали в чемодане под столом: она — в большом отделении чемодана, я — в крышке. Первое

моё впечатление, которое я запомнил на всю жизнь — это непроглядный табачный дым, который резал глаза. Это отец курил «Беломор», прикуривая одну папиросу от другой. Он усердно работал, несмотря на войну, послевоенные тяжелые годы, несмотря на весьма криминальную обстановку, которая царила во дворе, где располагалась наша баня.

Где-то в 1947 году мы переехали в Останкино, жили в комнате рядом с крысиным вивариумом. Мать всегда боялась, что когда-нибудь крысы отгрызут носы или уши у её детей. Отец уговорил кочегара и плотника Останкинской биостанции МГУ помочь ему переоборудовать амбар на другой стороне 2-го Останкинского переулка в жилое помещение. Они это сделали, и мы переселились туда, предварительно обработав стол и диван от клопов. Жили там аж до 1964 года, когда Александру Петровичу, тогда уже заведующему кафедрой в Московском областном пединституте, дали квартиру в г. Бабушкин, на Ленской улице. Дом тогда был в Московской области, сейчас это не самые окраины Москвы.

Ещё в Останкино отец принимал в нашем доме множество коллег, аспирантов, членов кружка ВООП под руководством Петра Петровича Смолина, вёл с ними научные беседы. Там же собиралась компания крупных зоологов, в основном пострадавших от разгула лысенковщины. Тогда телефонов не было, и радость человеческого общения воплощалась во всю мощь. Любой день рождения учёного из компании или его жены праздновали или в Останкино, или по месту проживания юбиляра. При этом на стол подавались самые изысканные деликатесы, для этого делались закупки в Елисеевском гастрономе на улице Горького. Отец пил мало: одну, ну две рюмки красного вина, а потом уходил в другую комнату — свой кабинет, и там садился работать, пренебрегая коллективом. А в компании профессуры всегда обсуждалось будущее последствий вахканалии Лысенко с властями.

Нам с сестрой Татьяной всегда было радостно, когда у нас собирались гости. Можно было вкусно покушать, устроить какое-нибудь детское представление. Отец, всегда приветливый с коллегами, учениками, держал семью, как он говорил, «в чёрном теле». Иногда обижал мать, но без рукоприкладства. А детей воспитывал в строгости, всегда делал замечания, нравоучения. Однажды он встречал меня из школы, когда я в 6 лет учился в первом классе. Ребята баловались, все лупили друг друга портфелями. Отец довёл меня до дома и дал оплеуху за моё поведение с одноклассниками. Я не надолго потерял сознание. А летом на Останкинском колхозном рынке, что был в соседнем квартале, мне очень понравился у торгующих ремесленников деревянный свисток в форме соловья. Он заливался водой и издавал музыкально чистую трель. Хотел попросить у отца 2 рубля (в сталинских деньгах), но сестра сказала, что отец на это денег не даст. Тогда я попросил 3 рубля на диафильм, которых у нас была целая коллекция, и мы часто смотрели их. На это дело он дал деньги. Я побежал покупать вождленную игрушку, сестра бежала за мной и отговаривала от опрометчивого поступка. Не подействовало. А она рассказала отцу. Он мне врезал такую пощёчину, что я потерял сознание на несколько часов, а мать выхаживала несколько дней, не подпуская отца.

Когда мы с сестрой немного выросли, Александр Петрович настоятельно посоветовал нам пойти в биологический кружок П. П. Смолина. «Это настоящий энциклопедист в биологии, он кого хочешь научит». Мне было тогда 10 лет, на теоретических занятиях я тогда мало чего понимал, зато на практических занятиях с коллекционным материалом много чего запоминал. Я всю свою жизнь безмерно благодарен отцу, что он направил меня в этот кружок.

В те же годы отец устраивал наши с ним поездки загород для ловли птиц. Сейчас я понимаю, что это ему не очень-то нужно было, а ради воспитания сына. Он обучал различать голоса птиц, объяснял, какая птица где живёт, какие местообитания предпочитает, чем питается, как надо её ловить. В 1954 году отец немного перестроил дом в Останкино, и мне досталась маленькая изолированная комната площадью метра 4. Там я устроил птичник. На всей стене висели клетки, садки для передержки, а за окном осенью сделал точок для ловли птиц понцами, и вывешивал на клён под окнами западок с любимыми манными птицами. Ловил много, передерживал, наблюдал за индивидуальным стилем поведения особей, отбирал самых толерантных к человеку, их оставлял, а остальных кольцевал и выпускал. Так у меня сформировалась когорта манных птиц, которая манила всех. Так, лазоревка, прожила у меня 12 лет, снегирь — 14 лет, и они приманивали любых пролётных птиц в западню без промаха. Потом я работал в Главном ботаническом саду, где я лазил по деревьям, проверял скворечники и дуплянки, метил тушью каждое появившееся яйцо. Тогда я притащил в дом трёх птенцов пустельги и двух — ушастой совы. Они жили у меня долго, а один самец пустельги так ко мне привык, что мы с ним ходили на рынок, а он сидел на плече и никуда не хотел улетать.

Александр Петрович поощрял все эти мои увлечения, он давал деньги на корм птицам, в том числе соколам, а потом и летучим мышам, и другим животным, которых он привозил из своих поездок. Но вся беда в том, что родился я технарём. Это от деда по маминой линии. Иван Васильевич Комков, который, кстати, принимал мои роды, во время первой мировой войны, был телеграфистом. Естественно, телеграфисты тогда, волоча катушки с проводом, всегда были на линии фронта и в тылу врага, и первыми попадали в плен. Дед попадал в плен два раза, каждый раз бежал, и пешком из Германии доходил до дома в Серпухове. Говорил, что в плену их держали по фермам, занимались сельхозработами, кормили неплохо, в том числе кофе по утрам, содержали в сарае, который на ночь запирали. Ну, а что деду замок, с его-то техническими знаниями? После второго плена он приехал в Серпухов на немецком велосипеде, который был у него не один десяток лет. И я учился ездить на нём. А в 14 лет я сделал ручным инструментом 10-зарядный полуавтоматический пистолет, из которого случайно школьник сильно ранил своего друга. Прокуратура, следовательно и прочее. Александр Петрович рассердился, выбросил весь ящик моего инструмента, не сказав куда. Сказал, что пойдёшь поступать на геофак МГУ, а не в свою Бауманку. Так и пришлось, судьба, наверное? Может быть, я благодарен этой судьбе. Хотя технические способности превратились в разнообразные хобби.

Мне всегда нравилось, как Александр Петрович занимался со своими аспирантами и прочими учениками. Он прекрасно владел русским языком, он его чувствовал. Недаром его учителя были из российской аристократии: С. И. Огнев, Н. А. Бобринский, Г. П. Дементьев и другие. Отец усаживал своего ученика рядом с собой и читал какие-либо его начертания. С первой же фразы, прочитав её, он говорил: «А что Вы этим хотели сказать?». «Ну, я, типа того, хотела сказать ...». «Ну, Вы так и напишите! Через несколько дней принесёте другой вариант». На первый день работа заканчивалась на первой или второй странице. На второй день чтение произведения аспиранта продвигалось ещё на несколько страниц. Для обучаемых аспирантов формирование диссертации оканчивалось несколькими такими уроками. Сейчас никто не работает с аспирантами, дипломниками, курсовиками, как работал отец. Были случаи, когда аспиранты не выдерживали такого обучения, упрёков отца, бросали аспирантуру. Они, кстати, потом никогда и не появлялись на научном небосклоне. Я всегда прислушивался, подслушивал уроки отца с аспирантами, и многому научился. Теперь меня считают хорошим редактором. Спасибо отцу!

Вообще, отец был замечательным педагогом. Недаром он работал почти всю свою жизнь в педагогическом институте. Он был хорошим оратором, лекции читал без бумажки. Даже когда он потерял зрение полностью, это ему нисколько не мешало читать лекции. Он любил проводить практические занятия с коллекциями животных, часто у нас дома.

Александр Петрович был заядлым коллекционером. Это его хобби отняло значительную часть его жизни. Когда он уходил от семейного или коллективного застолья, он больше занимался не научными статьями, сборниками, определителями, а своими коллекциями. Страсть к ним поглощала его всего. Сначала он занимался сбором коллекционных тушек рукокрылых, насекомых, потом — мышевидных грызунов, других млекопитающих, а одновременно — птиц, их кладок, а уже ближе к концу жизни — булавоусых чешуекрылых. Нужно сказать, что именно страсть к коллекционированию, к внимательному рассмотрению учёным коллекционного материала дала ему возможность правильно оценить проблемы систематики животных и создать систематический порядок в классах птиц, млекопитающих, создать свою концепцию видообразования, упорядочить систематику булавоусых бабочек.

Стремление к научному коллекционированию заставляло отца использовать весь свой служебный отпуск и любое свободное время своему занятию. Каждый год в студенческие каникулы он отправлялся в дальние путешествия, один, с минимальным запасом жизнеобеспечения: один рюкзак и один пустой чемодан с пустыми коробками для сборов. Все путешествия были за свой счёт. Учёные коллеги удивлялись: «Как Вы ездите в такие дали за свой счёт? Почему Вы не требуете от организации служебные командировки?». А он отвечал: «Если я возьму деньги в пединституте, то тогда оставлю нескольких аспирантов без возможности осуществить летнюю практику». Другой довод был такой: «Если я возьму деньги, буду обязан отчитываться, и вообще потеряю свободу».

Наша семья, конечно, чувствовала в некоторой степени этот эгоизм

отца, но никогда не выступала против его научных устремлений. Его эгоизм — это ради науки и ради страны, и для его уверенности в науке. Впрочем, мы не очень-то ощущали того, что большая часть зарплаты уходила на его самостоятельные экспедиции. Нам хватало на безбедную жизнь. Зарплата учёным в советское время это позволяла, и никто не задумывался о завтрашнем дне.

Александр Петрович, как и полагается крупным вдумчивым учёным, был в некоторой степени зануда, то есть — принципиальный, непримиримый к иному мнению, и даже не сдерживался в крепких словах, если ему что-то не нравилось в понятиях оппонентов, говорил такие слова прилюдно, в том числе на конференциях, совещаниях. Вообще, к недобросовестным учёным относился с несдерживаемой эмоцией. Например, когда на каком-то совещании обсуждалась номенклатура зоологических названий животных, некто Пидопличко предложил называть кабана дикой свиньёй, а домашнюю свинью — кабанчиком. Тут мой отец взорвался: «До каких пор хохлы нам будут навязывать свои термины». Или: «Этот Гептнер, фриц недобитый, предлагает что-то ...». В принципе, он всегда был прав, но, по моему разумению, не надо было так. Тем не менее, он любил юмор, анекдоты, часто шутил и в семье, и с учениками, иногда подшучивал над ними, но по-доброму.

Отец мне рассказывал, что когда он жил в семье своего отца, у них был большой дом, двухэтажный: для 10 детей от первого брака и 4 — от второго. Отец был 10-м ребенком от первого брака. Семья считалась зажиточной, могла на Московском тракте в Тюменской губернии содержать в своём доме трактир и постоялый двор, конюшню для почтовых подстав. В 1929 году, в период коллективизации в Сибири, деда объявили кулаком, хотя он не эксплуатировал никого, кроме своих детей, тем не менее, расстреляли, как и многих из их семьи. Отцу удалось убежать от расправы и под вагонами доехать до Москвы. Он стремился добраться до Аскании-Нова, однако в Москве его задержал случай. Дальнейшая судьба, скорее всего, будет описана в других очерках, а я хотел сказать не об этом. Поскольку в детстве отца в доме был трактир, алкоголя там было много. Отец рассказывал, что в детстве он попробовал, надо полагать, в немалых дозах. После чего ему было плохо, он проспал под лестницей длительное время, и после этого он зарёкся никогда не пить. В моём детстве отец иногда, потом регулярно принимал рюмочку портвейна с мамой. Дальше — больше. Перешел на «сучок» и не слезал с него до самой смерти. При этом не было никакой агрессии, семья не чувствовала каких-либо сдвигов в сознании. Вероятно, ему это было надо для поддержания тонуса и здоровья. Я его ни в коем случае не осуждаю.

Мне иногда задают вопрос: «Как влияет на тебя фамилия твоего отца в твоей жизни?». Скажу откровенно. Когда мы с Татьяной поступали в институт, отец специально уехал в экспедицию «чтобы никто не мог подумать, что я имею какое-то влияние на поступление детей в вуз». В моём поступлении сказались история противостояния с Лысенко и изгнание отца с биофака МГУ. А на геофаке оказалось несколько преподавателей, изгнанных с биофака по тем же причинам. В дальнейшем он мне всегда

помогал в науке и жизни, за что я ему всегда благодарен, Правда, были у нас научные споры с размолвкой на полгода по расхождению в географических пониманиях, но это со временем уладилось. Я никогда не пользовался именем своего отца. Мне иногда было неприятно, когда, например, Саша Сорокин, произнося тост на 75-летию Владимира Евгеньевича Флинта, сказал: «Предоставляем тост Володе, сыну знаменитого Александра Петровича Кузякина». На что Флинт его сразу поправил: «Владимир Александрович — это самостоятельная научная единица». В то же 75-летие Флинта в Союзе охраны птиц России он сказал В. Г. Кривенко: «Не надо сравнивать Володю с его отцом, Володя будет посильнее своего отца». Я не знаю, как реагировать на эти высказывания В. Е. Флинта. По моему, какая разница, что у отца было 150 публикаций, у меня — 250? Ну и что? Никакого значения это не имеет. Важно то, что именно содержится в этих публикациях. Мы жили в разное время, в разных условиях, во многом — разных направлениях науки. Он — больше в зоологической систематике, я — больше — в охотничьем ресурсоведении. Так что сравнивать меня с отцом бессмысленно.

А я всегда помню своего отца, благодарю его за то, что он дал мне глубокую научную школу, школу полевых работ, школу русского языка. Ценю, что он был настоящим учёным, всегда отстаивал свои взгляды и понятия, невзирая на ущерб своему благополучию, что он сделал очень много для зоологической науки. Как однажды сказал Ю. С. Равкин, Александр Петрович создал в зоогеографии целую новую систему научных ценностей. Я согласен с Юрой. Благодарен, что он воспитал много учеников не только в смысле научной школы, но и в отношении человеческой порядочности. А кто там выше или ниже — дело десятое.

Из письма к П. А. Пантелееву 13 мая 1992 года

С. С. Фолитарек

Я знал Шуру с момента его появления весной 1930 г. в Московском зоопарке, когда он договорился с Дядей Петей (так мы все звали Петра Александровича Мантейфеля) о возможности здесь работать. На вопрос, а где будешь жить? — сказал, что ночевать он может, например, здесь в кабинете Петра Александровича на стульях. Шуру тогда поселили на чердаке над клеткой белого медведя, а работать он стал помощником препаратора. Здесь и закрепились его любовь к природе и коллекциям, мастерское умение набивать тушки зверей и птиц, и многое другое. Приезд Шуры в Москву и всю его дальнейшую жизнь и деятельность я всегда сравнивал с легендарной историей М. Ломоносова. «Да, были люди в наше время» — теперь вряд ли кто согласится ночевать на стульях.

Александра Петровича Кузякина мне Бог послал

П. А. Пантелеев

Об Александре Петровиче Кузякине воспоминаний написано немало. Кажется всё рассказано в специальных мемуарных книгах: «Московские